

УДК 94(571)“18/1917”

Б.Ц. ЖАЛСАНОВА

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

канд. ист. наук
Национальный архив Республики Бурятия
г. Улан-Удэ
e-mail: butit62@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы привлечения бурят к несению воинской повинности в XIX – начале XX в. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. буряты были освобождены от воинской повинности, что привело к изоляции бурятских сообществ. В статье рассмотрены попытки правительства возобновить призыв инородческого населения в связи с переходом к всеобщей воинской повинности и использовать инородцев на тыловых работах во время Первой мировой войны; показана реакция бурятского населения и национальной интеллигенции на правительственную политику.

Ключевые слова: буряты, Восточная Сибирь, рекрутская повинность, воинская повинность, степные думы, инородческие управы, Первая мировая война.

В статье рассматривается проблема привлечения бурят к отбыванию воинской повинности в XIX – начале XX в., как одному из направлений политики Российского государства по включению этого этноса в общеимперское правовое пространство. Согласно определению, воинская повинность является установленной российским законодательством обязанностью

мужчин нести военную службу по защите Родины.

В соответствии с § 42 Устава об управлении инородцев Сибири 1822 г. «все кочующие инородцы освобождались от рекрутской повинности»¹, тем са-

¹ ПСЗ РИ. СПб., 1830. 1-е собр. Т. XXXVIII. Ст. 29126. С. 369.

мым буряты были освобождены от несения воинской повинности. Надо отметить, что буряты и эвенки начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. С заключением же договора сразу была организована пограничная охрана из 25 караулов, при каждом из которых «состояло 5–10 юрт (семейств) тунгусов или бурят. Наблюдение за пограничными маяками и за переходом за границу скота и людей вверено было инородческим родам и весьма малой части русских, поставленных более для надзора» [1, с. 20–21].

По указу Екатерины II от 30 июня 1764 г. для усиления Селенгинской и Нерчинской границ были сформированы четыре бурятских полка, которые получили название бурятского нерегулярного войска и находились на полном содержании бурятских обществ. Учреждением бурятских полков успешно был разрешен вопрос об охране границ в Забайкалье [1, с. 181–184].

О боеспособности и желании бурят защищать свое Отечество в тяжелое для России время свидетельствует статья, опубликованная в газете «Амур» за 1862 г.:

«В 1812, 1813, 1814 годах забайкальским монголо-бурятам было не до русской грамотности. В это время все они – кто бы этому поверил? – с энергией готовились идти войной на француза! Напрасно иркутский губернатор Н.И. Трескин просил добряков письмом на имя хоринского тайши Галсана Мардаева не беспокоиться, потому что русские уже разбили в пух и прах все бесчисленные полчища французов и их союзников немцев: буряты заподозревали Иркутское губернское начальство в измене Белому царю и продолжали готовить себе винтовки и стрелы с сайдаками; практиковались в стрельбе в цель и тулуны (кожаные мешки) под добычу и т.п., так по крайней мере доносил тайша губернатору.»

Далее отмечалось, что «хоринцы поднялись летом 1812 г., в апреле 1813 г. тайша получил письмо о прекращении вооружения, а в январе 1815 г. приезжал из Иркутска чиновник благодарить храброе хоринское иррегулярное войско за преданность русскому правительству и вместе с тем объяснить, что, так как за окончанием войны со славой для России в поголовном вооружении уже не предостоят надобности, то русскому правительству было бы приятно, если бы хоринцы усилили земледелие, занялись уходом за скотом и проч.»².

Несмотря на законодательное освобождение бурят от воинской повинности, со стороны царской администрации на общегосударственном и региональном уровнях периодически поднимался вопрос об их привлечении к воинской службе. Так, в 1872 г. на заседании Комиссии о личной военной повинности при Главном управлении Восточной Сибири обсуждался вопрос об охвате кочевых инородцев милиционной военной службой. На инородческую милицию предполагалось возложить «земскую службу, как например, препровождение местных арестантов по проселочным трактам, назначение конных инородцев

в помощь к пешим этапным командам, сопровождение сельской почты, назначение их нарочными от полицейских управлений и т.п.»³. В ответ на требование о предоставлении сведений о возможности несения милиционной службы бурятами Агинская степная дума отписывается, что «по неопытности, необразованности и незнанию русского языка, а также по образу кочевой жизни инородцев, составить со своей стороны предположения не может»⁴.

1 января 1874 г. был принят Манифест «О введении всеобщей воинской повинности», на основании которого утвержден Устав о воинской повинности. Объявлялось, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого подданного, Устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа или замены охотниками»⁵. С введением Устава о всеобщей воинской повинности положение инородцев изменилось следующим образом: в Манифесте было определено, что «действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев», в том числе «на неотбывавшее до сих пор рекрутской повинности ни натурой, ни деньгами инородческое население Восточной Сибири»⁶.

С принятием Устава о воинской повинности возникли вопросы о привлечении сибирских инородцев, в том числе и бурят, к отбыванию воинской повинности по особым положениям. В том же 1874 г. во все бурятские ведомства были отправлены письма о предоставлении сведений о том, смогут ли быть обеспечены семейства бурят материально в случае призыва мужчин на военную службу. Это было своего рода социологическое обследование с целью выяснить подлинное отношение инородцев к перспективе привлечения их к отбыванию воинской повинности, а заодно и их политическую лояльность империи. Например, Ольхонская степная дума дала ответ: «В случае призыва на службу таких инородцев, у которых не будет оставаться в семье других работников, кроме их самих, место мужа или отца для детей, равно и сына для престарелых родителей могут, по мнению думы, заступать их ближайшие или дальние, но живущие отдельно родственники, а если родственников нет, то и посторонние люди, участие которых к таким семействам можно ручаться уже по одному тому, что между ними никогда нет нищих. Кроме того, инородцы, хотя и не связаны кровным родством между собой, но считают себя и живут по большей части как бы родственники, лишь бы они были одного рода и улуса»⁷.

В 1880-х гг. снова поднимается вопрос о подчинении сибирских инородцев действующим общеимперским законам и уравнивании их во всех правах и

³ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л.6 об., 8.

⁵ ПСЗ РИ. СПб., 1876. 2-е собр. Т. XLIX. Отд. 1. Ст. 52982. С. 1–2.

⁶ Там же. С. 2, 27.

⁷ НАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921. Л. 42–42 об.

² Амур. 1862. 11 марта.

обязанностях с крестьянами, в том числе в несении ими воинской повинности. Предполагалось, что эти мероприятия приведут к нравственному развитию инородцев, будут способствовать распространению среди них образования и, самое главное, увеличат доходы государства [2, с. 112–113]. По этому поводу агинские буряты в 1879 г. отвечали, что они «при кочевой жизни в степных местах и незнании русского языка еще далеко не освоились с обычаями и общественным управлением крестьян, а подходя более к бродячим инородцам, мы не занимаемся хлебопашеством, как инородцы других ведомств Восточной Сибири, по случаю степной местности нами обитаемой, годной единственно для скотоводства, которое и составляет источник нашего существования...», а потому подчинение нас, бурят Агинского ведомства, общим законам империи с привлечением к воинской повинности, уменьшением количества владеемой нами степной земли с изменением существующего ныне порядка управления (упразднением Степных дум и инородных управлений), мы признаем по изложенным выше причинам и особенностям нашей жизни преждевременным и могущим принести для нас вред, как в нравственном, так и в материальном состоянии, а для государства не могущим принести существенной пользы»⁸.

Эти факты свидетельствуют о готовности бурят к несению воинской службы в той или иной форме, но в целом их отношение к воинской повинности было отрицательным. Администрация большинства сибирских губерний и областей выразила согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у аборигенов. В основе этого решения лежали внутривластные интересы, связанные, прежде всего, с дальнейшей русификацией. Тем не менее военный министр Д.А. Милютин, признавая принципиальную важность участия инородцев в военной службе одной из главных государственных обязанностей народов Сибири, воздержался от введения воинской повинности инородцев, снова отложил на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к воинской службе [2, с. 118].

Следующей попыткой региональной администрации стало издание в 1890 г. проекта военного губернатора Забайкальской области М.П. Хорошкина о привлечении бурят к воинской повинности, согласно которому буряты ежегодно должны были собираться в мирное время на учебные сборы на четыре или пять недель. Для образования бурятской национальной милиции должны были привлекаться буряты в возрасте 21 года, но не более 250 чел. от всего бурятского населения области, и таким образом, в течение четырех лет из четырех возрастов 21, 22, 23, 24-летних образовался бы один полк в 1000 чел. Впоследствии с запасными бурятская милиция должна была состоять из 4 полков обученного войска⁹. Целью привлечения бурят к воинской повинности было создание бурятской милиции, которая несла бы гарнизонную службу в случае войны с Китаем, например, ее представители

могли бы служить конвоирами, проводниками войск, ходить в разведку¹⁰.

Селенгинский главный тайша откликнулся на призыв к воинской службе следующим образом: «Как я, так и все мои сородичи, поселившиеся в недалеком расстоянии от китайской границы, обязаны охранять неприкосновенность престола Его Императорского Величества, охранять интересы Его и защищать границы, принадлежащие России, в подданство которой наши монголы-буряты перешли с лишком 200 лет тому назад. Я полагаю, что в случае каких-либо военных действий, они строго будут держаться к защите своих границ и оберегать как границы России, так и свои жилища и свою имущественность. Я полагаю, что должно настать время, когда забайкальские буряты должны быть привлечены к отнесению воинской повинности»¹¹.

Агинские и хоринские буряты стали активно ходатайствовать об отсрочке исполнения воинской повинности, мотивируя свой отказ кочевым образом жизни, суровыми климатическими условиями, незнанием русского языка. Военный губернатор расценил это как намеренное уклонение от воинской службы¹², на что агинские буряты отвечали: «... Чем могли буряты вызвать такое замечание Его Превосходительства, тогда как хоринские буряты не только не думали намеренно уклоняться от исполнения какой-либо службы в пользу Отечества, но они, питая безупречную любовь и преданность Царю и Престолу, неоднократно доказали свою верность и неизменную покорность как со времени принятия добровольного подданства, охранением русско-китайской границы, о чем свидетельствуют не только устные предания, но и государственные документы, как патент императора Петра II, данный хоринскому тайше Шодо Больтирикову от 4 июня 1729 г., так последующее поколение доказало неизменную преданность своему Отечеству уступкою своих удобных земель для поселения русских, оказали значительные услуги при взятии Амура, как пожертвованиями в пользу Аянских и других переселенцев, добровольного флота и раненых и больных воинов, так и передвижением войск и крепостных орудий на Амур, исправным платежом ясака и повинностей»¹³. Кроме того, они просили отложить решение вопроса о воинской повинности до окончательного размежевания земель и переустройства их быта, образа жизни. Вопрос о привлечении бурят к службе в милиции снова был отложен на неопределенный срок.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки привлечь сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. Так, в 1896 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, итогом ее работы стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний. В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин доложил о ре-

⁸ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 39–42.

⁹ Там же. Д. 3855. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11–13.

¹¹ Там же. Д. 3855. Л. 10.

¹² Там же. Д. 2862. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 3855. Л. 8–8 об.

зультатах работы комиссии Николаю II, предложив привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых инородцев Сибири и Забайкалья. Идея понравилась императору, предложения министра были утверждены. Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса.

Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. При Главном управлении Генерального штаба была организована комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

Внесению изменений в Устав о всеобщей воинской повинности помешала начавшаяся Первая мировая война. Хотя буряты, как инородцы, были освобождены от воинской повинности, однако они не остались в стороне от этого события. Участие бурят на начальном этапе выражалось в сборе огромных пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Так, в 1915 г. по инициативе лидеров бурятских обществ и Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова был учрежден Общебурятский комитет для оказания помощи жертвам войны и нуждавшимся семьям воинов¹⁴. Целью деятельности Общества стало оказание помощи больным и раненым воинам путем устройства лазаретов, коек, полевых питательно-врачебных отрядов, эвакуационных поездов¹⁵. За короткий срок у бурятского населения было собрано более 86 тыс. руб., из них более 77 тыс. руб. израсходовано на содержание бурятских коек на Кавказе, поддержку семей призванных на войну низших чинов, содержание бурятского врачебно-питательного отряда, а также размещавшегося в Старой деревне в доме Буддийского храма в Петрограде Петроградского Бурятского лазарета на 30 коек и т.д.¹⁶

Первая мировая война затянулась, возникла необходимость в привлечении к тыловым работам инородцев как дешевой рабочей силы. 25 июня 1916 г. Николай II издал указ о мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии. Призыву по мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1897 и 1885 гг. в возрасте от 19 до 31 года. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа. Количество мобилизованных бурят, по данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, составляло 20 878 чел. [3, с. 471]. Часть мобилизованных была отправлена в Архангельскую область, другая – на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительное их количество было распределено по предприятиям, работавшим на войну. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в Архангельском порту, при строительстве железнодорожных веток Смольный Буян – Экономия, а также Экономия – Мудьюг, на поездах Архангельской железной дороги – в качестве кочегаров, в Вологодских и

Ярославских главных мастерских, Твери, Пскове, при заготовке дров для Москвы, Петрограда и т.д.¹⁷

Для организации тыловых работ мобилизованных бурят в Архангельске была образована инородческая дружина. Вскоре ее администрации пришлось столкнуться с серьезными проблемами, связанными с массовыми заболеваниями среди бурят и даже со смертельными случаями. Причинами заболеваний бурят были не только плохое питание, суровые условия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В своем рапорте врач дружины докладывал, что «инородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины»¹⁸.

Бурятская общественность забила тревогу, уже в начале 1917 г. благодаря усилиям Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова, Лхаромба Цанит Хамбо А. Доржиева, уполномоченного А.Н. Ханхасаева и других Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизируемых бурят. Распоряжением санитарной части главнокомандующего Северного фронта больные буряты из Архангельской области стали поступать в бурятский лазарет в Петрограде¹⁹. Только с января по июль 1917 г. в лазарете побывало 218 бурят.

После Февральской революции уполномоченные начинают активнее ходатайствовать об отправке бурят на родину²⁰. 5 мая 1917 г. последовал долгожданный указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят.

Буряты на протяжении длительного периода своей истории в составе Российского государства не только изъявляли желание служить защите Отечества, но и успешно охраняли его рубежи. О военных заслугах бурятских родов свидетельствуют высочайше пожалованные им знамена: 1) 29 марта 1728 г. был опубликован указ Петра II о пожаловании знамен 18 родам «братских иноземцев» Селенгинского и Нерчинского дистриктов²¹; 2) 14 августа 1800 г. 7 знамен были пожалованы Павлом I «братскому иррегулярному войску»; 3) 20 октября 1837 г. Николаем I пожалованы 7 знамен бурятскому иррегулярному войску, 14 – бурятским родам Хоринского ведомства, 3 – табангутским родам; 4) 24 ноября 1842 г. – 9 знамен бурятам Агинского ведомства; 5) 15 августа 1845 г. – 15 знамен бурятам Селенгинского ведомства²².

С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г. (сохранившего степные законы и обычаи и введшего Степные думы, инородные управы, родовые управления) буряты были освобождены от несения воинской повинности. Буряты оказались в изоляции. Выдающийся российский и бурятский ученый Г.Ц. Цыбиков считал, что Устав 1822 г. является актом,

¹⁷ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 395. Л. 78.

²⁰ НАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 64. Л. 29 об.

²¹ ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. VIII. Ст. 5254.

²² НАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

¹⁴ Там же Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 55–56.

¹⁵ Там же. Л. 114.

¹⁶ Там же. Л. 47–48.

консервирующим старые общественные отношения и тормозящим развитие бурятского общества. В 1906 г. он с горечью писал, что «жизнь идет вперед так неизменно и быстро, что буряты не опередили ее благодаря Уставу 1822 года, а, напротив, далеко отстали от современных форм общественной жизни»[4, с. 20].

На наш взгляд, именно изоляция стала одним из факторов, приведших к тому, что буряты, демонстрировавшие готовность в 1812–1813 гг. идти «войной на француза», к концу XIX в. под разными предложениями отказывались от несения воинской повинности. Начавшаяся Первая мировая война, затем реквизиция бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад их жизни: буряты, жившие достаточно

изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, оказались непосредственно втянутыми в активную экономическую и политическую жизнь страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев А.П.* Забайкальские казаки: Исторический очерк: в 3 т. Благовещенск, 2007. Т. 2. Репр. воспроизведение издания 1916–1918 гг.
2. *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма в и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1986.
3. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954.
4. *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды. Новосибирск, 1991. Т. 1.